

Неоконченная пьеса для шкафа-автомата

Александр Феклистов в спектакле «Башмачкин». Художник Сергей Якунин. Агентство «Богис»

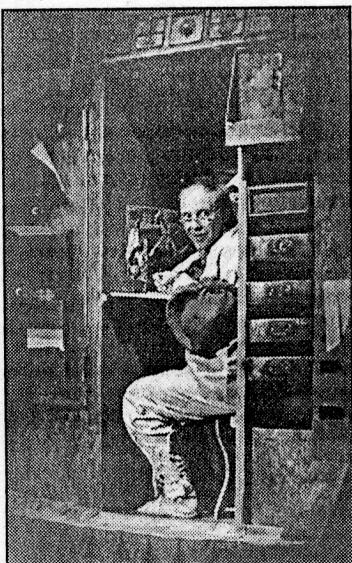
Марина Зайонц

6

ашмачкин, как все, вышел из гоголевской «Шинели» и оказался в тесной картонной (буквально слепленной из картона) комнатенке посреди пустого, холодного пространства. Не мрачный, пугающий Петербург, но совсем уж зловещая космическая бездна. Уйдя от автора, Башмачкин потерял знаменитое свое имя-отчество, сменил адрес и превратился из низенького титулярного советника в маленького человека, став почти по Чехову какой-то общей мировой душой.

Спектакль под названием «Башмачкин» — не инсценировка повести «Шинель» (что легко предположить, но, кажется, невозможно выполнить) и не чтение хитрым образом скомпонованного текста, что предположить еще легче. Из гоголевской прозы извлекли, казалось, навечно скрытое игровое начало. Легкость, с которой находка поддается, говорит об изысканной скромности сочинителей, коих, если верить программке, четверо: Александр Феклистов, Алексей Бурыкин, Олег Меньшиков, Игорь Золотовицкий.

Моноспектакли издавна держались на слове. Здесь вначале (и довольно долго) было молчание. Башмачкин просыпался и тут же, нацепив растерзанные очечки, принимался переписывать бумаги. Для этого все в его убежище было любовно приспособлено, приложено, пригнано. Одной рукой он умывался, другой нашаривал кружечку, стоявшую на полочке размером как раз с эту кружечку. Ловко подставив ее под самовар, пил чай и снова садился переписывать.

ALEXANDER IVANOVICH

метами. Их работу можно демонстрировать как учебное пособие в театральных школах (на актерских и постановочных факультетах).

Вещественный мир воссоздан любовно и технически изощренно, при том, что все, кажется, делалось вручную. Предметы дышат, как существа явно одушевленные, обретя неожиданную способность двигаться и издавать какие-то звуки. Департамент остроумно представлен шкафом, совсем придавившим перепискчика к стене. Ящики самопроизвольно выдвигаются, яростно выталкивая листы бумаги и хищно требуя все новой и новой пищи.

Роль Башмачкина разработана Феклистовым подробно и строится на мелких деталях, столь же изощрено обдуманных. Сначала все дробится, рассыпается блестками, напоминая живописную технику пантилистов — маленькие точечки, выверенно расположенные в пространстве. Актер играет как всегда мягко и простодушно, и трудно уловить момент, когда из забавных мелочей стала складываться чужая судьба, укрупняясь с каждым новым мазком. Требование шкафа переменить глаголы из прошедшего времени в настоящее оказалось решающим. С этого момента, переломившего безгрешную и счастливую жизнь, все и началось. Неожиданно бунтарские мечтания о новой шинели. Стыд перед старой, неловко упрятанной в сундук. Неуместно гордый блеск в глазах. Ну и все остальное, хорошо известное.

Однако перед тем, как Башмачкин вырос на наших глазах и уплыл на своем сундуке куда-то в бессмертие, он впервые за весь спектакль сказал длинную речь. Боль и ужас выталкивали из него слова, забытые и несвязные, и они лились из него, пока не иссякли: «Это, право, совершенно, то-го...»

“Сегодня” 9.02.94 г.